

DOI: 10.31857/S0130386424060022

© 2024 г. М.А. ПЕТРОВА

СТАРЫЕ ИСТОЧНИКИ – НОВЫЕ ПОДХОДЫ: ИЗУЧЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ конца XX – начала XXI века

Петрова Мария Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Аннотация. В последние 30 лет история дипломатии как область политической истории и истории международных отношений переживает всплеск исследовательского интереса, во многом под влиянием лингвистического, культурного, антропологического, гендерного и других поворотов в гуманитарных и общественных науках XX в. Ученые, работающие в русле так называемой новой дипломатической истории, понимают дипломатию как коммуникативный акт и как способ взаимодействия с другой культурой и шире – с инаковостью, и поэтому основное внимание уделяют непосредственным участникам этого взаимодействия. К ним относятся аккредитованные дипломаты, сотрудники посольств, консулы, миссионеры, переводчики, купцы, местные агенты и другие, чей социальный и культурный капитал оказывал влияние на межгосударственные, международные и межличностные связи. Цель статьи – познакомить российского читателя с избранной зарубежной научной литературой по истории европейской дипломатии раннего Нового времени, поскольку именно в этот период дипломатические акторы играли самые разные роли. Выявляя эти роли, историки подходят к изучению дипломатии как комплекса социальных и культурных практик (среди них – представительство, ведение переговоров, составление донесений, собирание информации, создание дипломатических сетей, письменный и устный перевод, обмен подарками, организация приемов и балов, коллекционирование и др.), заимствуя проблематику и инструментарий смежных дисциплин – социологии и политической науки, филологии и лингвистики, археологии и истории искусств. Тематика исследований, обзор которых дается в статье, включает организационные формы, практики дипломатии и проблемы профессионализации дипломатической службы; церемониал и символическую коммуникацию; патрон-клиентские отношения; культурный трансфер и межкультурную коммуникацию; языки дипломатии; восприятие «другого»; материальные аспекты дипломатии; самовосприятие дипломатических акторов и проблемы идентичности; конфессиональный и гендерный факторы в дипломатии.

Ключевые слова: историография зарубежная, дипломаты, дипломатия, международные отношения, новая дипломатическая история, культурная история.

M.A. Petrova

Old Sources – New Approaches: Early Modern European Diplomacy in the International Historiography of the Late Twentieth and Early Twenty-First Centuries

Maria Petrova, Institute of World History Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: maria.petrova@bk.ru

Scopus Author ID: 57211014068; Researcher ID: V-2400-2019

Abstract. Over the past three decades, the field of diplomatic history has witnessed a surge in research interest, largely influenced by the linguistic, cultural, anthropological, and gender turns in the humanities and social sciences that occurred during the twentieth century. Those engaged in what is known as the ‘new diplomatic history’ understand diplomacy to be a communicative act, as well as a means of interacting with another culture and, more broadly, with what is considered to be “otherness”. Consequently, the focus is on actors, namely direct participants in this interaction. These include accredited diplomatic representatives, embassy staff, consuls, missionaries, translators and interpreters, merchants, local agents, and women, whose social and cultural capital also influenced interstate, international, and interpersonal relations. The objective of this article is to present an overview of selected academic literature on the history of early modern European diplomacy, as this period saw the emergence of a multitude of diplomatic roles. Having identified these roles, historians then proceed to the study of diplomacy as a complex of social and cultural practices. These include representation, negotiations, drafting reports, information gathering, the establishment of diplomatic networks, writing and translation, the exchange of gifts, the organisation of receptions and balls, and the collection of data, among other activities. To gain a deeper understanding of the subject, historians draw upon the problems and tools of related disciplines, such as sociology and political science, philology and linguistics, and archeology and art history. The author presents a comprehensive review of a range of research topics, including organisational forms, diplomatic practices and the professionalisation of the diplomatic service; ceremonial and symbolic communication; patron-client relationships; cultural transfer and intercultural communication; languages of diplomacy; the perception of the “other”; material aspects of diplomacy; self-perception of diplomatic actors and problems of identity; and confessional and gender factors in diplomacy.

Keywords: international historiography, diplomats, diplomacy, international relations, new diplomatic history, cultural history.

В конце XX – начале XXI в. история дипломатии, традиционно развивавшаяся в русле политической истории и истории международных отношений, удивительным образом оказалась тем проблемным полем, в котором отразились основные повороты, произошедшие в исторической науке во второй половине XX в.: социальный, культурный, антропологический, лингвистический. Это позволило истории дипломатии стать поистине междисциплинарной областью исследований, заимствующей проблематику и инструментарий из политологии, социологии, антропологии, истории искусства, литературоведения, лингвистики и включающей в свой арсенал элементы истории права, истории материальной культуры, истории медиа и символической коммуникации, истории театра и музыки, истории тела и медицины. Автор предлагаемой статьи ставит перед собой цель познакомить российского читателя с тематикой и методологией современных зарубежных исследований, преимущественно на английском, немецком, отчасти французском и итальянском языках, по истории европейской дипломатии раннего Нового времени – эпохи, когда происходило постепенное становление централизованных государств нового типа, основанных на принципах территориальности и суверенитета, разрабатывалась современная модель дипломатической службы (постоянные посольства) и при этом существовали другие организационные формы дипломатии (чрезвычайные миссии, конгрессы и рейхстаги/сеймы). Хронологические рамки этого периода разнятся в зависимости от традиций национальных историографий. Нам представляется целесообразным включать в него события конца XV – конца XVIII столетия¹.

Так как охватить в рамках одной статьи огромный пласт литературы не представляется возможным, наш подход заключается в том, чтобы по возможности широко показать спектр исследовательских направлений по истории дипломатии, проиллюстрировав их наиболее яркими примерами. По такому пути идут все авторы уже появившихся в последние

¹ См. дискуссии об этом: *Ивонин Ю.Е.* Раннее Новое время и концепция модерна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 2 (10). URL: <https://history.jes.ru/s207987840000324-5-1/> (дата обращения: 30.07.2024); *Уваров П.Ю.* На пути к раннему Новому времени // Там же. URL: <https://history.jes.ru/s207987840000305-4-1/> (дата обращения: 30.07.2024).

годы историографических обзоров, во многом руководствуясь сферой своих научных интересов. Одним из первых таких обзоров стала статья 2008 г. американского исследователя Д. Уоткинса, констатировавшего, что «пришло время для междисциплинарной переоценки одной из старейших и традиционно одной из самых консервативных областей современной (modern) дисциплины истории – истории досовременной (premodern, т.е. раннего Нового времени. – М.П.) дипломатии»². Призыв Уоткинса привел к закреплению в историографии термина «новая дипломатическая история» (new diplomatic history), появившегося в начале 2000-х годов, который с тех пор присутствует во многих названиях современных обзоров научной литературы³.

Прежде чем показать, в чем заключается новизна «новой дипломатической истории», кратко проследим, как развивалась «старая» история дипломатии. Сложившаяся под влиянием работ классика германской научной историографии Л. фон Ранке, она утверждала примат внешней политики над внутренней и оперировала прежде всего категориями «большой политики» и «государственных интересов» европейских кабинетов, используя в качестве источника дипломатическую корреспонденцию⁴. Как отмечает современный немецкий историк Ю. Гекке, классическая история дипломатии опиралась на концепцию нации-государства, фокусируясь на институтах и больших игроках, и во многом укоренила тенденцию к использованию дихотомии: Запад/Восток, государственный/негосударственный, внешний/внутренний, публичный/частный, официальный/неофициальный, война/мир, теория/практика и т.д., за что в XX в. подверглась нападкам со стороны самых разных научных школ⁵.

Пренебрежительное отношение к истории дипломатии как истории событийной («что один клерк сказал другому») во многом было связано с изменением объекта исторических исследований: под влиянием марксистской историографии и школы «Анналов» политические события уступили место общественным процессам и социально-экономическим структурам. Кроме того, сразу после Первой мировой войны в Великобритании в рамках политической науки (political science) возникла новая академическая дисциплина – международные исследования (international studies, в настоящее время международные отношения – international relations), которая занималась теоретическим обоснованием современной международной политики и быстро завоевала популярность в европейских и американских университетах и научных учреждениях⁶.

² Watkins J. Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 2008. Vol. 38 (1). P. 1.

³ См. избранные статьи о новых подходах к истории дипломатии и международных отношений: *Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischen Institutionalismus // *Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft*. 2001. Bd. 21. H. 3. S. 394–423; *Курцалла И.И.* Изучение истории международных отношений в социокультурном контексте // *Новая и новейшая история*. 2012. № 6. С. 65–74; *Sowerby T.A.* Early Modern Diplomatic History // *History Compass*. 2016. Vol. 14 (9). P. 441–456; *Hennings J., Sowerby T.A.* Introduction. Practices of diplomacy // *Practices of Diplomacy in the Early Modern World: c. 1410–1800* / eds T.A. Sowerby, J. Hennings. New York, 2017. P. 1–21; *Thiessen H. von.* Geschichte der Außenbeziehungen / *Neue Diplomatiegeschichte* // *Konstruktionen Europas in der Frühen Neuzeit: Geographische und historische Imaginationen* / Hrsg. S. Richter, M. Roth, S. Meurer. Heidelberg, 2017. S. 315–323; *Alloul H., Auwers M.* What is (New in) New Diplomatic History? // *Journal of Belgian History*. 2018. Vol. XLVIII (4). P. 112–122; *Мазарчук Д.В.* «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // *Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сeryя гуманітарных навук*. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292; *Goetze D., Oetzel L.* A Diplomat is a Diplomat is a Diplomat? On How to Approach Early Modern European Diplomacy in its Diversity. An Introduction // *Early Modern European Diplomacy: A Handbook* / eds D. Goetze, L. Oetzel. Berlin, 2024. P. 1–24; *Gebke J.* New Diplomatic History and the Multi-Layered Diversity of Early Modern Diplomacy // *Ibid.* P. 27–48.

⁴ См., например: *Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère: 4 vol. Paris, 1893–1926; *Sorel A.* L'Europe et la Révolution française: 9 vol. Paris, 1865–1911; *Debidour A.* Histoire diplomatique de l'Europe: 2 vol. Paris, 1891–1916.

⁵ *Gebke J.* Op. cit. P. 33.

⁶ *Burk K.* Britische Traditionen internationaler Geschichtsschreibung // *Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten* / Hrsg. W. Loth, J. Osterhammel. München, 2000. S. 51.

Одним из критиков классической истории дипломатии был французский ученый П. Ренувен, который сформулировал еще в 1934 г. представление о «глубинных силах», оказывающих влияние на отношения между народами, подразумевая под этими силами географические, демографические, экономические и социальные факторы. С 1954 г. Ренувен издавал многотомную «Историю международных отношений», ставшую настоящим прорывом в послевоенной историографии⁷. Однако, как отмечает современный исследователь Л. Бадель, работа П. Ренувена по сути являлась «перевернутым и позитивным образом старой дипломатической истории»⁸. Перезапустил историю дипломатии на примере XX в., во многом опираясь на опыт предшественников конца XIX в., ученик П. Ренувена Ж.-Б. Дюрозель⁹. Фокус своего исследования он направил на административные структуры, работу министерств и дипломатический персонал, хотя вновь изучал их с точки зрения власть предрежащих¹⁰. Процессы, происходившие в отечественной науке, мы оставим за скобками, отметим только, что в СССР вышло два издания «Истории дипломатии», а термин «международные отношения» в этих книгах применительно к древней, средневековой и новой истории использовался довольно редко¹¹.

Классической работой по истории европейской дипломатии раннего Нового времени до 1990-х годов оставалась «Дипломатия Ренессанса» американского исследователя Г. Мэттингли, который предположил, что истоки постоянной дипломатии лежат в политических потрясениях эпохи войн в Ломбардии 1425–1454 гг., побудивших итальянских князей направлять друг к другу постоянных послов, чтобы укрепить существующие союзы и более эффективно координировать свои военные усилия. Мэттингли описал «модернизацию» дипломатии от Средневековья к Новому времени как процесс секуляризации и профессионализации, начавшийся с постепенного распространения постоянных посольств после мира в Лоди 1454 г. на Европу к северу от Альп и фактически закончившийся созданием после заключения Вестфальского мира в 1648 г. полноценной международной системы. Эта система утверждала территориальный суверенитет, принцип внутренней автономии, право государств контролировать свои границы и принцип баланса сил между крупными и мелкими игроками¹². Модернизационный подход Мэттингли разделяло не одно поколение историков, к примеру на нем основана еще одна классическая работа М.С. Андерсона «Рождение современной дипломатии»¹³.

Вторую половину XX в. ознаменовал бурный рост так называемой новой социальной истории в Европе, «становление которой проходило под знаменем социологии, социальной антропологии, демографии, количественных методов»¹⁴. В Германии это породило дискуссии об изучении внешней политики и международных отношений. Родоначальник Билефельдской школы социальной истории, возникшей в начале 1970-х годов, Х.-У. Веллер в лучших традициях школы «Анналов» критиковал классическую политическую историю за узкую направленность на внешнюю политику и ее главных действующих лиц, прусско-малогерманское национальное государство и европейскую систему государств, в которую оно было интегрировано, и призывал к созданию современной политической истории как субдисциплины всеохватной социальной истории, дословно «истории

⁷ Histoire des relations internationales / publ. sous la dir. de P. Renouvin: 8 vol. Paris, 1953–1958.

⁸ Badel L. Diplomacy and the History of International Relations: Redefining a Conflictual Relationship // *Diplomatica*. 2019. Vol. 1. P. 34.

⁹ Duroselle J.-B. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1953. Эта тенденция была подхвачена в Великобритании с появлением работ по истории дипломатической службы. См., например: Horn D.B. *British Diplomatic Service, 1689–1789*. Oxford, 1961.

¹⁰ Badel L. *Op. cit.* P. 35–36.

¹¹ История дипломатии: в 3-х т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941; История дипломатии: в 5-ти т. / под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959.

¹² Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. Boston, 1955.

¹³ Anderson M.S. *The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919*. Harlow; Essex, 1993.

¹⁴ Ренуна Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011. С. 63.

общества» (*Gesellschaftsgeschichte*), поскольку лишь она способна объяснить механизмы и пределы принятия внешнеполитических решений¹⁵. Оппоненты Х.-У. Велера А. Хильгрубер и К. Хильдебранд, увидев в этом притязание социальной истории на гегемонию, настаивали на самостоятельности внешней политики и международных отношений; они признавали необходимость установления связей с социальной и структурной историей, но подчеркивали, что методы политической истории не могут быть просто выведены из смежных дисциплин, и отвергали сложные теории, как это предлагала делать социальная история. Никаких новых подходов они не предложили, поэтому дебаты зашли в тупик¹⁶.

Примерно с 1980-х годов социальная история вступила в определенное противоречие с историей ментальности и с исторической антропологией, в свое время выросших из нее. Интерес к истории масс сменился интересом к человеку, а на место универсального понятия в историографии (каким прежде были «государство» или «общество») стала претендовать «культура». При этом под культурой понималась не столько деятельность человека, рукотворная или интеллектуальная, или ее материальное воплощение, сколько коллективные представления, ценности, символы, ритуалы, образцы поведения¹⁷. Изменению содержания понятия «культура» в гуманитарных и социальных науках способствовал также лингвистический поворот в философии второй половины XX в., в результате которого культура стала рассматриваться как текст, т.е. связанная совокупность знаков. Лингвистический поворот в историографии, начавшийся в конце 1970-х годов, привел историков к неутешительному выводу, что постичь историческую реальность практически невозможно, поскольку она не существует сама по себе, а конструируется с помощью языковых средств, которые изначально есть в арсенале исследователей¹⁸.

Для истории международных отношений и истории дипломатии этот вывод, до сих пор вызывающий бурные дискуссии, оказался плодотворным. Уже в 1990-е годы увидели свет работы, исходившие из того, что терминология международной истории является результатом возникновения в XIX в. политических наций и государств, или национальных государств, а потому применительно к раннему Новому времени часто выглядит анахронизмом. Такие термины, как «государство», «нация», «межправительственный», «международный», «внешняя» и «внутренняя» политика или «дипломатия», не существовали или использовались по-другому, в том числе в русском языке¹⁹. И хотя полностью отказываться от этой терминологии не представляется возможным, призыв не отождествлять исторические процессы и явления с текущими процессами и явлениями, используя современные аналитические категории, определенно был услышан. Следует констатировать и постепенный пересмотр или даже полный отказ от концепции абсолютизма, на которой во многом основывалась классическая история дипломатии²⁰.

На первый план в исследованиях 1990-х – первой половины 2000-х годов вышла проблема трансформации систем международных отношений. Историки попытались выявить закономерности их развития, осмыслить место крупных игроков в европейском балансе сил, а также определить факторы (политические, династические, юридические, военные, религиозные, экономические, национальные, личностные), оказывавшие влияние на их

¹⁵ Loth W. Einleitung // Internationale Geschichte... S. VIII.

¹⁶ Ibid. S. IX.

¹⁷ Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / пер. с англ. М. Неклюдовой // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 24.07.2024).

¹⁸ Лубский А.В. Лингвистический поворот // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 245–247.

¹⁹ К примеру, термин «дипломатия» в современном значении возник в начале 1790-х годов, однако понятие «дипломатия» описывалось через термины «политика» или «переговоры». В дипломатической корреспонденции речь шла об «иностранных» и «домашних» делах (фр. *affaires étrangères* / *affaires domestiques*, англ. *foreign affairs* / *domestic affairs*), а не внешней или внутренней политике.

²⁰ См., например: *Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700)* / Hrsg. R.G. Asch, H. Duchhardt. Köln; Weimar; Wien, 1996.

содержание²¹. Благодаря работам французского историка Л. Бели политическая и международная история раннего Нового времени и история Франции так называемого Старого порядка стала изучаться как история взаимоотношений внутри своего рода корпорации – сообщества князей (фр. *société des princes*, нем. *Fürstengesellschaft*), которыми двигали династические интересы, шедшие иногда вразрез с законодательством и интересами набиравшей силу бюрократии²². Бели подчеркивал, что развитие дипломатии выступало в качестве одного из двигателей государственного строительства и создания современной государственности. Несмотря на отсутствие полноценных внешнеполитических ведомств в ряде европейских стран, недостаток институционализации дипломатии не мешал ей успешно выполнять поставленные задачи благодаря наличию агентов самого разного уровня и статуса, в том числе международного, таких как духовные ордена или торговые компании²³.

В это же время итальянские историки Д. Фриго и Р. Фубини начали пересмотр утвердившейся концепции Г. Мэттингли, что современная дипломатия возникла из баланса сил, достигнутого между итальянскими государствами после договора в Лоди 1454 г., и что следует ставить знак равенства между постоянными посольствами XV в. и современной дипломатией. Исследования по истории внешней политики итальянских княжеств и городов-государств поставили под сомнение утверждение, что обмен постоянными посольствами стал нормой во второй половине XV в., так как некоторые крупные итальянские государства, к примеру Венеция, не учреждали их до заключения мира в Като-Камбрези (1559), завершившего Итальянские войны, а более мелкие республики сделали это еще позже²⁴. Были опровергнуты и выводы Мэттингли о профессионализации итальянской дипломатии XV–XVI вв., так как многие дипломаты совмещали свою деятельность с судебной практикой или службой в системе городского управления²⁵.

В связи с 350-летием Вестфальского мира вышло множество новых работ, посвященных этому эпохальному для европейской истории событию²⁶. В частности, американские исследователи С. Краснер и Д. Крокстон и немецкий А. Осиандер начали пересмотр так называемого Вестфальского мифа – представления о том, что мирные договоры в Мюнстере и Оснабрюке 1648 г. стали переломным моментом в создании современной системы государств, закреплении принципов суверенитета и баланса сил²⁷. Историки параллельно пришли к одному и тому же выводу, что Вестфальский мир был основан на еще средневековых, по сути, концептуальных положениях и дипломатической практике: участники переговоров в значительной степени заимствовали их из более ранних мирных соглашений, например

²¹ Среди наиболее интересных исследований см.: *Schilling H.* Höfe und Allianzen. Deutschland 1648–1763. Berlin, 1989; *Schroeder P.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994; *Osiander A.* The States System of Europe 1640–1990. Peacemaking and the Conditions of International Stability. Oxford, 1994; *Duchhardt H.* Balance of Power and Pentarchie: Internationale Beziehungen, 1700–1785. Paderborn; Wien, 1997; *Black J.* European International Relations 1648–1815. London, 2003; *Scott H.M.* The Birth of a Great Power System. 1740–1815. London, 2006.

²² *Bély L.* Les Relations internationales en Europe (les 17–18 siècles). Paris, 1992; *Idem.* La société des princes, XVIe–XVIIIe siècle. Paris, 1999.

²³ *Bély L.* L'invention de la diplomatie // L'invention de la diplomatie: Moyen Age – temps modernes / sous la dir. de L. Bély. Paris, 1998; *Idem.* L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne. Paris, 2007.

²⁴ *Friigo D.* Introduction // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. D. Friigo. Cambridge, 2000. P. 1–24.

²⁵ *Fubini R.* La “résidentialité” de l'ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: une enquête sur les origines // L'invention de la diplomatie. P. 28–35; *Idem.* Diplomacy and Government in the Italian City States of the Fifteenth Century (Florence and Venice) // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy. P. 25–48.

²⁶ См., например: *Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte* / Hrsg. H. Duchhardt. München, 1998.

²⁷ *Krasner S.D.* Westphalia and All That // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions and Political Change / eds J. Goldstein, R.O. Keohane. London, 1993. P. 235–264; *Croxton D.* The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. Vol. 21. № 3. P. 569–591; *Osiander A.* Sovereignty, International Relations and the Westphalian Myth // International Organization. 2001. Vol. 55/2. P. 251–287.

франко-испанского в Вервене 1598 г. Вестфальский мир зафиксировал существовавший расклад сил внутри Священной Римской империи, главой которой по-прежнему оставался император, имевший право представлять империю на международной арене. Словосочетание *libero iuris territorialis* (*hohe Lands-Obriegkeit*), т.е. право верховенства имперских штатов на принадлежавших им территориях, перестало однозначно трактоваться как суверенитет²⁸. Само это понятие, находившееся в раннее Новое время в процессе разработки, стало предметом научных дискуссий. Как показал впоследствии немецкий историк А. Кришер, политический статус суверенного государя раннего Нового времени был в большей степени социальным статусом, неразрывно связанным со средневековым понятием сословной чести²⁹.

Влияние на историю дипломатии, безусловно, оказал и начавшийся в 1980-е годы «исторический поворот» в дисциплине «международные отношения», которую критиковали за пустое теоретизирование и отсутствие исторической основы. Отметим здесь только две ставшие классическими работы. Американский политолог и международник Д. дер Дериан, давая экскурс в историю дипломатии, преимущественно европейской, впервые определил ее как «посредничество между отчужденными людьми, организованными в государства, которые взаимодействуют в системе», понимая под посредничеством не только формирование устойчивых связей, но и заступничество людей друг за друга. В дипломатической культуре исследователь видел средство преодоления отчуждения с помощью символической власти (имея в виду церемониал как важнейший регулятор отношений между людьми, сообществами и государствами в Средние века и Новое время) и социальных ограничений³⁰. Дер Дериан утверждал, что именно Утрехтский мир 1713 г. (а вовсе не Вестфальский), урегулировавший часть противоречий по итогам войны за Испанское наследство (1701–1714), стал «дипломатическим водоразделом между посредничеством в целях мифического единства божественного закона и превосходства силы и посредничеством разобщенных государств с помощью международного права и баланса сил»³¹.

Выявляя механизмы формирования коллективных идентичностей (национальных, региональных, общеевропейских) через образы «другого», в частности образы Востока, норвежский политолог, социальный антрополог и дипломат И. Нойманн призвал рассматривать и международные отношения через оппозицию «Я/Другой». Исследователь исходил из фундаментального положения антропологического подхода, что отграничение «я» от «другого» является важнейшей составляющей формирования идентичности, поэтому историки должны не только изучать физические и экономические границы между государствами, но и наблюдать, как и с помощью каких средств поддерживаются и нарушаются границы между человеческими сообществами³². Отметим, что поддержание этих границ и есть одна из важнейших задач дипломатии.

Указанные сдвиги в историографии поначалу казались не столь заметными. Во всяком случае авторы коллективной монографии «Международная история: темы – результаты – возможности», констатировали, что история дипломатии и международных отношений по-прежнему изучает войну и мир, государства и народы, проблемы господства и подчинения, последовательно не замечает вопросы, задаваемые сначала социальной, затем

²⁸ См. подробнее: *Куприянов А.В.* «Вестфальский миф»: история и критика // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 3. С. 37–50; *Ego же.* «Вестфальский миф» и «вестфальский» суверенитет // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2019. № 4. С. 11–23.

²⁹ *Krischer A.* Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit // *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der frühen Neuzeit* / Hrsg. J.-P. Niederkorn, R. Kauz, G. Rota. Wien, 2009. S. 4–7.

³⁰ *Derian J. der.* On Diplomacy: A Genealogy of Western Estrangement. Oxford; New York, 1987. P. 42.

³¹ *Ibid.* P. 133.

³² *Neumann I.B.* The Uses of the Other. “The East” in European Identity Formation. Minneapolis, 1999. См.: *Нойманн И.* Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейских идентичностей / пер. с англ. В.Б. Литвинова, И.А. Пильщикова. М., 2004. С. 68.

культурной историей и исторической антропологией, и остается непроницаемой для теоретических и методологических новаций³³.

Этот суровый приговор был справедлив лишь отчасти, так как авторы упомянутых работ предшествующего десятилетия пытались не только оценить внешнеполитические цели игроков на международной арене, но прежде всего показать, каким образом они выстраивали отношения. Отсюда возрос интерес к фигуре дипломата как посредника (в том числе между разными культурами), мировоззрение и опыт которого не могли не оказывать влияние на переговорный процесс. Уже Л. Бели в книге «Шпионы и послы в эпоху Людовика XIV» писал о множественности ролей, которые играли во внешней политике Франции дипломатические агенты разного уровня – консулы, миссионеры, военные, аккредитованные представители при иностранных дворах. Исследователь поставил вопрос о возможностях и пределах их деятельности в зависимости от статуса, а также о средствах (вербальных и невербальных), с помощью которых эти агенты исполняли возложенные на них обязанности³⁴.

Знаковой также стала работа швейцарского историка К. Виндлера «Дипломатия как опыт “другого”: французские консулы в Магрибе (1700–1840)»³⁵. Свою задачу автор видел не в том, чтобы шаг за шагом реконструировать историю торговых отношений Франции с государственными образованиями Северной Африки, в большей степени Тунисом, а в том, чтобы показать, как на протяжении полутора столетий формировались и менялись взаимные представления французских консулов как торговых агентов королевской власти и тех, с кем им по долгу службы приходилось общаться: это местные власти и местные жители; соотечественники; иностранные консулы и дипломаты, а также французские власти, контролирующие своих подчиненных из Парижа. Виндлер воссоздал сети влияния французских консулов с учетом их происхождения, профессионального опыта, социальных связей, показал их взаимодействие и столкновение с представителями разных культур, в том числе через церемонии (аудиенции, обмен подарками) и повседневное общение через жесты, что позволило ему внести вклад в изучение символической коммуникации и наметить подходы к «новой дипломатической истории» (*nouvelle histoire diplomatique*) и «перекрестной (переплетенной) истории» (фр. *histoire croisée*, англ. *entangled history*) задолго до того, как эти термины прочно утвердились в историографии.

Дипломатический материал оказался востребован в имагологических исследованиях, поскольку в раннее Новое время дипломаты, наряду с учеными, путешественниками и студентами, относились к небольшой части населения, для которых общение с иностранцами было частью повседневной жизни, причем на протяжении длительного времени, если речь шла о постоянных посольствах. По мнению немецкого историка А. Штрмайера, важной характеристикой европейской политической культуры является дихотомия «свой – чужой», поэтому изучение проблемы восприятия с помощью дипломатической корреспонденции позволяет привнести в историю дипломатии ранее игнорируемое антропологическое измерение³⁶.

Большинство современных западных историков описывают дипломатию как способ взаимодействия с чужой культурой и, шире – с инаковостью, заимствуя методологические подходы из сравнительно новой научной и учебной дисциплины – межкультурной коммуникации, возникшей в 1960-е годы на стыке психологии, социологии и антропологии, и оперируя ее терминологией³⁷. Определяя дипломатию как межкультурную коммуникацию,

³³ Loth W. Op. cit. S. VII.

³⁴ Bély L. Espions et ambassadeurs au temps de Louis XIV. Paris, 1990.

³⁵ Windler C. La diplomatie comme expérience de l'Autre: consuls français au Maghreb (1700–1840). Geneva, 2002.

³⁶ Strohmeier A. Wahrnehmungen des Fremden: Differenzverfahren von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert: Forschungsstand – Erträge – Perspektiven // Wahrnehmungen des Fremden. Differenzverfahren von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert / Hrsg. M. Rohrschneider, A. Strohmeier. Münster, 2007. S. 1–52.

³⁷ См., например: Lüsebrink H.J. Interkulturelle Kommunikation: Interaktion, Fremdwahrnehmung, Kulturtransfer. Stuttgart; Weimar, 2005.

историк имеет дело с тремя или даже четырьмя знаковыми системами, а именно с языком и культурным горизонтом одного дипломата, языком и системой интерпретации его коллеги, с общим дипломатическим кодом, а с какого-то момента – еще и общественным мнением в соответствующей стране³⁸.

Изучение «символической коммуникации» оказалось особенно плодотворным там, где конкурировали принципиально разные нормативные системы, например европейская и не-европейская. Вслед за К. Виндлером современные исследователи свидетельствуют, что политические, религиозные и культурные различия не являются непреодолимыми: акторы из разных нормативных систем могут путем переговоров и компромиссов сформировать общее понимание политических процессов посредством повторяющихся церемониальных действий. Таким образом, был поставлен под сомнение еще один важный аспект модернизационной парадигмы Г. Мэттингли – евроцентризм, так как развитие «резидентной дипломатии», или постоянных посольств, находилось под сильным влиянием контактов с неевропейскими политическими образованиями (Османской империей, Китаем, Персией), отправлявшими в Европу только чрезвычайные миссии по особым случаям³⁹. Важным для нашей страны является тезис Я. Хеннингса, что русский «посольский обычай» второй половины XVII – первой четверти XVIII в. был своего рода изводом общеевропейской дипломатической практики и что уже тогда, пусть и с рядом оговорок, Россия и Европа говорили на одном церемониальном языке, так как русские цари были признаны суверенными государями⁴⁰.

Символическая коммуникация активно изучается и на примере типологически близких нормативных систем, прежде всего внутри европейского «сообщества князей»⁴¹, взаимодействовавших не только друг с другом, но с отличными от них акторами – республиками, городами, швейцарскими кантонами, духовными орденами, торговыми компаниями⁴². Во многом благодаря работам немецкого социолога Н. Элиаса о придворном обществе раннего Нового времени⁴³ возник интерес к проблемам репрезентации власти и церемониалу, который стал восприниматься как «особый, крайне формализованный символический код, следовавший собственной социальной логике»⁴⁴. Как показала немецкий историк Б. Штольберг-Рилингер, одна из основоположников этого исследовательского направления,

³⁸ *Schattenberg S.* Diplomatie als interkulturelle Kommunikation // *Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History*. 2011. Bd. 8. N. 3. S. 459–460.

³⁹ См. статьи в сборнике: *Ottoman Diplomacy: Conventional or Unconventional?* / ed. A.N. Yurdusev. Basingstoke, 2004; *Goffman D.* Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // *The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire* / eds V.H. Aksan, D. Goffman. Cambridge, 2007. P. 61–74; *Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im mittleren Osten in der frühen Neuzeit* / eds R. Kautz, G. Rota, J.P. Niederkorn. Wien, 2009; *Subrahmanyam S.* *Courtly Encounters: Translating Courtliness and Violence in Early Modern Eurasia*. Cambridge, 2012; *Duindam J.* *Crossing Boundaries: Diplomacy and the Global Dimension, 1700–1850* // *The International History Review*. 2019. Vol. 41 (5). *Transformations of Intercultural Diplomacies. Comparative Views on Asia and Europe (1700 to 1850)* / eds N. Amsler, H. Harrison, C. Windler. P. 1092–1099.

⁴⁰ *Hennings J.* *Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725*. Cambridge, 2016.

⁴¹ См. публикации по проекту университета Мюнстера *Symbolische Kommunikation und gesellschaftliche Wertesysteme vom Mittelalter bis zur Französischen Revolution* под руководством Б. Штольберг-Рилингер и Г. Альтхофа (1999–2011) // URL: <https://www.uni-muenster.de/SFB496/> (дата обращения: 20.07.2024).

⁴² См., например: *Windler C.* *Diplomatie als Erfahrung fremder politischer Kulturen: Gesandte von Monarchen in den eidgenössischen Orten (16. Und 17. Jahrhundert)* // *Geschichte und Gesellschaft*. 2006. Bd. 32 (1). S. 5–44; *Krischer A.* *Syndici als Diplomaten in der Frühen Neuzeit. Repräsentation, politischer Zeichengebrauch und Professionalisierung in der reichsstädtischen Außenpolitik // Spezialisierung und Professionalisierung. Träger und Foren städtischer Außenpolitik während des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit* / Hrsg. C. Jörg, M. Jucker. Wiesbaden, 2010. S. 254–286.

⁴³ *Elias N.* *Über den Prozess der Zivilisation. Soziogenetische und psychogenetische Untersuchungen*. Basel, 1939; München, 1969; *Idem.* *Die höfische Gesellschaft. Untersuchungen zur Soziologie des Königtums und der höfischen Aristokratie*. Frankfurt a. M., 1969. См. переводы на русский язык: *Элиас Н.* *О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования*. Т. 1–2. М.; СПб., 2001; *Его же.* *Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии*. М., 2002.

⁴⁴ *Stollberg-Rilinger B.* *Rituale*. Frankfurt a. M.; New York, 2013. S. 51.

дипломатические церемонии раннего Нового времени были необходимы для установления места правителя в международной иерархии, ибо споры о первенстве или старшинстве рассматривались как средство борьбы государств и правительств за упрочение своих позиций и как альтернатива войнам⁴⁵. Во вступительной статье к сборнику «Что значит культурная история политического?» историк сформулировала и обосновала подход к изучению политической истории как к культурной истории, заслужившего признание в историографии и одновременно вызвавшего критику⁴⁶.

В Великобритании изучением европейской политической культуры второй половины XVII–XVIII в. занимался в своей книге историк Т. Бланнинг. В книге «Культура власти и власть культуры» он взял за основу определение политической культуры, предложенное американской исследовательницей Л. Хант, теоретиком новой культурной истории: «ценности, ожидания и неявные правила, которые выражали и формировали коллективные намерения и действия»⁴⁷. В содержательном и методологическом плане книга Т. Бланнинга была вдохновлена концепцией публичной сферы немецкого социолога Ю. Хабермаса. Он связывал рождение публичной сферы с появлением прессы и ростом влияния буржуазии на общественные процессы в эпоху Просвещения, раньше всего – на рубеже XVII–XVIII вв. – в Англии, где благодаря парламенту формировалась площадка для дискуссий⁴⁸. Бланнинг развил идею Хабермаса о том, что публичность была изначально присуща придворной культуре раннего Нового времени, которую оба характеризуют как представительскую (representational)⁴⁹. Эта публичность достигла своего апогея при версальском дворе в эпоху Людовика XIV, когда его утренний и вечерний туалет стал церемонией, предназначенной для глаз широкого круга людей. Представительская культура была европейским феноменом (Бланнинг рассматривает его на примере германских государств), развивавшимся под мощным влиянием образцового версальского двора, пользовавшимся поддержкой со стороны многоязычной аристократии и в значительной степени созданным международным сообществом художников (в самом широком смысле), свободно перемещавшихся от одного двора к другому. В какой-то момент государство больше не могло воплощаться исключительно через личность правителя, и представительская культура начала размываться под натиском принципиально иной публичной сферы, связанной прежде всего с появлением читающей публики и общественного мнения⁵⁰.

Исследования европейской политической культуры раннего Нового времени дали толчок исследованиям по истории дипломатии. С начала 2000-х годов и до настоящего времени количество вышедших книг и статей исчисляется сотнями. Британский историк Т. Осборн очень точно, на наш взгляд, выделил устоявшиеся характеристики новой дипломатической истории: она стремится избегать повествования о «высокой» политике; изучает практики во всех своих проявлениях; рассматривает дипломатическую корреспонденцию не только как источник фактической информации, но и как околотекстовые тексты, которые сообщают нам о духовном и материальном мире дипломатов, их социальной и культурной среде, в результате чего дипломаты становятся рассказчиками. В то же время новая дипломатическая

⁴⁵ *Stollberg-Rilinger B.* Zeremoniell als politisches Verfahren. Rangordnung und Rangstreit als Strukturmerkmale des frühneuzeitlichen Reichstags // *Neue Studien zur frühneuzeitlichen Reichsgeschichte* // Hrsg. J. Kunisch. Berlin, 1997. S. 91–132; *Eadem.* Honores regii: Die Königswürde im zeremoniellen Zeichensystem der Frühen Neuzeit // *Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungsdokumentation* / Hrsg. J. Kunisch. Berlin, 2002. S. 1–26; *Eadem.* Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Begriffe – Thesen – Forschungsperspektiven // *Zeitschrift für Historische Forschung*. 2004. Bd. 31. S. 489–527.

⁴⁶ *Stollberg-Rilinger B.* Einleitung // *Was heißt Kulturgeschichte des Politischen?* / Hrsg. B. Stollberg-Rilinger. Berlin, 2005. S. 9–26.

⁴⁷ *Blanning T.* *The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe, 1660–1789.* Oxford, 2002. P. 4.

⁴⁸ *Habermas J.* *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft.* Berlin, 1962. Рус. пер.: *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016.

⁴⁹ *Blanning T.* *Op. cit.* P. 5–15.

⁵⁰ *Ibid.* P. 29–99.

история больше не воспринимает Европу как единственную или исключительно важную сферу дипломатической практики и, применяя подходы транснациональной и «переплетенной» истории, размывает границы между Европой и остальным миром, показывая, каким образом дипломатические агенты всех мастей маневрируют между разными, но взаимосвязанными культурными, религиозными и этническими сообществами⁵¹. Заметим также, что в научный оборот вводятся новые источники и ведется большая работа по их публикации⁵².

При этом большой пласт научной литературы по-прежнему посвящен официальным, аккредитованным представителям европейских монархов при иностранных дворах. Одной из первых работ, во многом образцовой, признана диссертация немецкой исследовательницы Х. Кугелер ««Идеальный посол»: теория и практика дипломатии на протяжении столетия после Вестфальского мира». Сравнивая особенности дипломатической культуры Франции, Великобритании и Священной Римской империи, Кугелер анализирует представления современников-юристов (Г. Гроция, С. фон Пуфендорфа, Э. де Ваттеля, Я. Мозера, Г. Мабли), дипломатов и публицистов (А. де Викфора, Ж. Руссе де Мисси, Ф. де Кальера и др.), специалистов по церемониалу (З. Цванцига, К. Люнига) об идеальном посланце. Эти авторы подчеркивали изменения, произошедшие в отношениях между европейскими государствами, прежде всего в дипломатической практике. 167 делегатов Вестфальского конгресса учились взаимодействовать друг с другом, исходя из принципа церемониального равенства, внедряемого постепенно и спустя примерно столетие сменившегося представлением о том, что все суверены, независимо от древности их титула, военной мощи или размера приобретенных территорий, имеют равные права⁵³.

Констатируя связь дипломатии с европейской придворной культурой, основанной на представлениях о социальном статусе и аристократических манерах, Кугелер призывает осторожно относиться к высказываемому в историографии утверждению, что раннее Новое время следует рассматривать как эпоху профессионализации дипломатической службы. Ведь профессионализация в современном смысле подразумевает прежде всего набор кадров, систематическую выплату жалования и карьерный рост. Между тем на протяжении столетия после Вестфальского мира дипломаты принадлежали, скорее, к политической и социальной элите и воспринимали получение очередного поста во многом как возможность стать ближе ко двору и монаршей особе, за что подвергались критике со стороны ученого сообщества. В пользу суждения Кугелер говорит и отсутствие в Европе специализированных учреждений для подготовки дипломатов, которым до определенного момента было достаточно владеть навыками светского общения, знаниями в области церемониала и иностранными языками, в том числе набиравшим силу французским. При этом примерно с начала – середины XVIII в. дипломаты постепенно встраивались в систему государственной службы, вследствие чего повышались и требования к соискателям дипломатических постов. Кроме того, вводились новые должности секретарей и советников посольств, куда также направляли молодых дворян для обучения⁵⁴. К подобным же выводам пришел и британский исследователь Х. Скотт, характеризовавший дипломатическую культуру второй половины XVII–XVIII в. как представительскую. Будучи членами международного закрытого сообщества, дипломаты жили

⁵¹ Osborne T. Whither Diplomatic History? An Early-Modern Historian's Perspective // *Diplomatica*. 2019. Vol. 1. P. 41–42.

⁵² Один из ярких примеров – публикация дневников посланников на рейхстагах Священной Римской империи и делегатов Вестфальского конгресса, осуществляемая Центром исторических исследований мира Университета Бонна. См.: URL: <https://www.igw.uni-bonn.de/fnznrlg/de/forschung/diarien-und-editionen> (дата обращения: 04.08.2024).

⁵³ Kugeler H. «Le Parfait Ambassadeur». The Theory and Practice of Diplomacy in the Century following the Peace of Westphalia: Phd diss. Oxford, 2006. P. 27–47.

⁵⁴ Ibid. P. 162–167.

и действовали согласно предписанному церемониальному поведению, говорили на одном (французском) языке и имели общий культурный код⁵⁵.

В программной статье немецкий историк Х. фон Тиссен сформулировал основные признаки дипломата «старого типа» — в идеале аристократа в ранге посла, действовавшего от имени монарха (дипломатическую службу республиканских правительств историк не рассматривает). Как и большинство придворных, дипломат находился на личной службе у князя и рассматривал отношения с ним как обмен ресурсами для себя и своей семьи по принципу *do-ut-des* (лат. «я даю, чтобы и ты дал»). Поэтому дипломат мог быть как подданным князя, так и иностранцем, если считал службу полезной для своей чести. Пост он, как правило, получал по протекции какого-либо влиятельного лица при дворе, имевшего прямой доступ к князю. Профессионализм дипломата старого типа Тиссен считает скорее сословным, характерным для дворянства, а не специфичным для конкретной должности, так как компетентность дипломата проявлялась прежде всего в усвоении особых норм поведения, соответствовавших его статусу. Только овладев этими нормами, дипломат мог выполнить главную задачу — быть представителем или даже воплощением своего государя⁵⁶.

Проследивая основные тенденции развития дипломатии в раннее Новое время, Тиссен также подчеркивает, что не следует переоценивать ее модернизационный потенциал, потому что появление постоянных посольств в Европе происходило неравномерно. От идеи христианского универсализма и иерархии, присущей Средневековью, в пользу концепции баланса сил удалось отказаться только к середине XVIII в. Церемониал был теперь связан не столько с установлением места князей и республик в иерархии, сколько с демонстрацией суверенитета. Окончательно идея суверенитета, по мнению Тиссена, была закреплена в международном праве только на Венском конгрессе через закрепление иерархии дипломатических представителей в специальном регламенте⁵⁷.

А. Кришер также считает, что именно вопрос о суверенитете в европейском сообществе князей был самым большим препятствием на пути формализации дипломатической системы в соответствии с международным правом. Дифференциация дипломатических рангов была выражением неспособности решить эту центральную проблему. Ее суть состояла в том, что согласно обычаю дипломатов первого ранга (послов) могли направлять только суверены к государям и республикам, равным по статусу, т.е. тоже к суверенам. Остальные вынуждены были направлять к иностранным дворам представителей более низких рангов, что проявлялось в церемониальном общении при дворе. Таким образом, заключает Кришер, именно эта проблема, а не усложнение компетенций, привела к множественности дипломатических рангов и постоянной необходимости различать их носителей⁵⁸.

Помимо общих работ о статусе дипломата и европейской дипломатической культуре раннего Нового времени, свет увидели и конкретно-исторические исследования. Одни

⁵⁵ Scott H. *Diplomatic culture in old regime Europe // Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century* / eds H. Scott, B. Simms. Cambridge, 2007. P. 58–85.

⁵⁶ Thiesse H. von. *Diplomatie vom type ancien: Überlegungen zu einem Idealtypus des frühneuzeitlichen Gesandtschaftswesens // Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel* / Hrsg. H. von Thiesse, C. Windler. Köln, 2010. S. 487–488. Сборник стал первым в серии *Externa*. *Geschichte der Außenbeziehungen in neuen Perspektiven*, которая выходит в крупнейших европейских научных издательствах под редакцией Б. Штольберг-Рилингер, Х. фон Тиссена, К. Виндлера, А. Кришера и отдает предпочтение исследованиям, написанным в русле культурно-антропологического подхода. См.: URL: <https://www.vandenhoeck-ruprecht-verlage.com/reihe-externa> (дата обращения: 20.07.2024).

⁵⁷ Thiesse H. von. *Diplomatie vom type ancien...* S. 481–483.

⁵⁸ Krischer A. *Das Gesandtschaftswesen und das moderne Völkerrecht // Rechtsformen internationaler Politik, Theorie, Norm und Praxis vom 12. bis 18. Jahrhundert* / Hrsg. M. Jucker, M. Kintzinger, R. Schwinges. Berlin, 2011. S. 238–239. О функциях церемониала см. также: *May N.F. Zwischen fürstlicher Repräsentation und adliger Statuspolitik. Das Kongresszeremoniell bei den westfälischen Friedensverhandlungen. Ostfildern, 2016; Idem. Le cérémonial diplomatique et les transformations du concept de représentation au XVIIe siècle // À la place du roi: Vice-rois, gouverneurs et ambassadeurs dans les monarchies française et espagnole (XVIe–XVIIIe siècles) / sous la dir. de D. Aznar, G. Hanotin, N.F. May. Madrid, 2017. P. 35–49.*

создают коллективный портрет дипломатических представителей (например, Швеции⁵⁹ и Саксонии⁶⁰), другие – раскрывают деятельность дипломатов отдельных держав при дворах, городах и республиках⁶¹. Помещение дипломатов в центр исследования предполагает, что успех их деятельности и карьеры зависел, по крайней мере частично, от отношений, которые они могли выстраивать при дворе пребывания или с монархами, которым служили, благодаря наличию связей и личных ресурсов. Поэтому одной из центральных тем указанных исследований и многих других, базирующихся в том числе на теории социального капитала П. Бурдьё, является патронат как система покровительства, в ней отношения между вышестоящими и нижестоящими по положению носят взаимовыгодный характер⁶².

Помимо выстраивания агентских сетей, интерес историков вызывают и другие коммуникативные практики, прежде всего составление донесений, являющихся важнейшим источником по истории раннего Нового времени. Как отмечает К. Ролль, донесения являлись не просто описанием увиденного или пересказом услышанного, а коммуникативным действием, поскольку их составление было сопряжено с огромными посредническими и переводческими усилиями. Тексты имели и свои повествовательные стратегии – от завоевания доверия адресата до предвосхищения его ожиданий, от передачи фактической информации до формулирования послания, заключающего в себе смысловую ценность. Поэтому взгляд на этот источник как на эго-документ, т.е. текст, имеющий автора с его мировоззрением, уровнем образования, опытом и т.д., делает наше представление о дипломатии раннего Нового времени более объемным⁶³. Отметим также исследовательский интерес к проблеме языков дипломатии, вдохновленный изучением международных конгрессов, на которых делегатам приходилось взаимодействовать друг с другом на вербальном и невербальном уровнях⁶⁴.

Еще один нетривиальный для современной историографии сюжет – взаимосвязь дипломатии и литературы, особенно театрального искусства, так как сравнение дипломата с актером, играющим свою роль на сцене, проходит красной нитью через сочинения об «идеальном посланце» или искусстве переговоров. Американский историк Т. Хэмптон изучил те из них, что были написаны между 1450 и 1700 г. (например, Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, А. Джентили), и пришел к выводу, что они оказали большое влияние на состав и структуру литературных текстов, способствовали разработке новых жанров. Сцены дипломатических встреч в произведениях Шекспира, Мора, Рабле, Монтеня, Тассо, Корнеля, Расина и Камюэнса ярко свидетельствуют о представительском характере дипломатии, о силе репрезентации в публичном пространстве, о том, что взаимодействие между различными народами – это

⁵⁹ Droste H. Im Dienst der Krone: Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. Berlin, 2006.

⁶⁰ Matzke J. Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Leipzig, 2011.

⁶¹ См., например: Schütz E. Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfalz-)bayerischen Hof zu München. 1683–1806. München, 2007; Legutke D. Diplomatie als soziale Institution: brandenburgische, sächsische und kaiserliche Gesandte in den Haag. Münster, 2010; Fletcher C. Diplomacy in Renaissance Rome: The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge, 2015; Steppan C. Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.

⁶² См., например: Nähe in der Ferne: personale Verflechtung in den Außenbeziehungen der Frühen Neuzeit / Hrsg. H. von Thiesen, C. Windler. Berlin, 2005; Thiesen H. von. Diplomatie und Patronage: Die spanisch-römischen Beziehungen 1605–1621 in aktorszentrierter Perspektive. Epfendorf, 2010; Haug T. Ungleiche Außenbeziehungen und grenzüberschreitende Patronage. Die französische Krone und die geistlichen Kurfürsten (1648–1679). Köln; Weimar; Wien, 2017; Stuber R., Tischer A. Clientele and Patronage in Early Modern Diplomacy // Early Modern European Diplomacy. S. 593–611.

⁶³ Roll C. Einleitung // Berichten als kommunikative Herausforderung: Europäische Gesandtenberichte der Frühen Neuzeit in praxeologischer Perspektive / Hrsg. T. Dorfner, T. Kirchner, C. Roll. Köln, 2021. S. 10–11.

⁶⁴ См., например: Braun G. La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756. München, 2010; Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft / Hrsg. H. Duchhardt, M. Espenhorst. Göttingen, 2012; Holm S. Language and Diplomatic culture // Early Modern European Diplomacy. P. 613–630.

культурный обмен и что литература предоставляет собой линзу, через которую мы можем научиться читать языки дипломатии в прямом и в переносном смысле⁶⁵.

Вдохновленная работой Т. Хэмптона, американский историк Э.Р. Уэлч рассматривает дипломатию через метафору театрального представления, уделяя внимание не литературным текстам, а придворным празднествам на примере Франции от Карла IX до последних лет правления Людовика XIV. Исследовательница утверждает, что театр служил не просто декоративным сопровождением дипломатических переговоров, но, скорее, лежал в основе практики представления и зрительского наблюдения, которые и составляли культуру дипломатии в этот период. Грандиозные придворные развлечения — аллегорические балеты, балы-маскарады, рыцарские турниры, оперы и комедии — были «дипломатическими» как по своей цели — оказать честь и произвести впечатление на приезжих дипломатов, так и по своей тематике. Дипломатические развлечения, подчеркивает Уэлч, даже более чем клишированные метафоры, сравнивающие роль посла с актером, раскрывают перформативность (театральность) международных отношений, которая проявлялась и в ходе проведения международных конгрессов или подписания договоров⁶⁶. Любопытным представляется наблюдение автора, что дипломатические развлечения на Венском конгрессе 1814—1815 гг. воспринимались как пустые и неуместные, как «остаточные и ретроградные», что резко контрастирует с обилием дипломатических развлечений середины XVII в., когда театр дипломатии на сцене «создавал новые идеи и концепции для теорий политического представительства»⁶⁷.

С другого ракурса рассуждает о публичности и публичной дипломатии нидерландский историк Х. Хелмерс. На примере Республики Соединенных провинций он освещает общение ее официальных представителей с иностранной аудиторией не только через участие в придворных церемониях, но и через работу с общественным мнением. Дипломаты были производителями новостей, распространяемых как в виде слухов, так и в печатных изданиях, вмешиваясь таким образом в официальную политику государей и правительств, при которых они находились. Так, вопреки собственным намерениям, дипломаты обеспечивали «выживание открытой и разнообразной медиа-системы» и политических дебатов даже в самых авторитарных государствах⁶⁸. Еще одной формой публичной дипломатии раннего Нового времени Хелмерс считает распространение среди читающей иностранной аудитории исторических трудов, часто написанных по заказу того или иного суверена, который предлагал свой взгляд на события давнего и недавнего прошлого. Историк, нередко бывший дипломат (например, авторы XVI в. Й. Слейданус, Ж.О. де Ту, Г. Бентивольо), использовавший в качестве источника собственные донесения, выступал как адвокат, в чью задачу входило представить своего клиента (в данном случае государя или государство) в лучшем свете и, следовательно, оказать влияние на международную повестку⁶⁹.

Большой пласт литературы посвящен участию дипломатов в культурном трансфере, прежде всего объектов материальной культуры (произведений искусства, книг, предметов роскоши и т.д.), но также идей и практик. Итальянский историк Э. Колантуоно предположил, что произведения искусства, особенно монументальные картины и скульптуры, могут сыграть заметную роль в деликатных переговорах (облегчить их ход, передать тайное послание

⁶⁵ Hampton T. *Fictions of Embassy: Literature and Diplomacy in Early Modern Europe*. New York; Ithaca, 2009.

⁶⁶ Welch E.R. *A Theater of Diplomacy: International Relations and the Performing Arts in Early Modern France*. Philadelphia, 2017. P. 10.

⁶⁷ Ibid. P. 211.

⁶⁸ Helmers H. Public Diplomacy in Early Modern Europe: Towards a new history of news // *Media History*. 2016. Vol. 22 (3–4). P. 401–420. См. сборник статей, актуализирующий роль двора и международных конгрессов как мест распространения знаний и печатной продукции: *Diplomatische Wissenskulturen der Frühen Neuzeit. Erfahrungsräume und Orte der Wissensproduktion* / Hrsg. G. Braun. Berlin; Boston, 2018. См. также: *Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов в историографии: книги и авторы // *Новая и новейшая история*. 2020. № 6. С. 5–21.

⁶⁹ Helmers H. *History as Diplomacy in Early Modern Europe*. Emanuel van Meteren's *Historia Belgica and International Relations, 1596–1640* // *Renaissance Studies*. 2021. Vol. 36. № 1. P. 27–45.

или упрек через созданные художниками аллегории) европейских правителей XVI–XVII вв. Таким образом, произведение искусства, подаренное или предложенное в сложной политической ситуации, могло стать «средством дипломатического убеждения, даже соблазнения» и эффективно функционировать как «немой дипломат», полагающийся на общие коды визуальной коммуникации⁷⁰.

Идеи Колантуоно остаются востребованными, поскольку они предполагают, что предметы искусства и материальные объекты являются важным элементом функционирования дипломатии раннего Нового времени. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования обмена дипломатическими дарами, которые были средством утверждения статуса, равенства и авторитета в сообществе князей⁷¹. Не менее интересным представляется и визуальный подход к изучению истории дипломатии, так как в качестве источника используются изображения на различных носителях, фиксировавших дипломатические встречи и приемы⁷².

Помимо официальных аккредитованных представителей, растет интерес к тем, кто выполнял дипломатические функции разной степени официальности и выступал в качестве культурных посредников: консулам, музыкантам, купцам, художникам, антикварам, путешественникам и придворным артистам⁷³; а также к тем, кто непосредственно участвовал в дипломатическом процессе: к переводчикам, персоналу миссий, к тем, кто занимался приемом и размещением дипломатов. Британский историк Т. Соверби даже предупреждает о рисках размывания понятия дипломатии, когда любого, кто пересекал границу или имел возможность в какой-то степени влиять на международные отношения, можно назвать дипломатом⁷⁴. Т. Осборн также видит подводные камни новой дипломатической истории в несколько пренебрежительном отношении к формальной (официальной) дипломатии и задает вопрос: что мы понимаем под неофициальной, неформальной и субгосударственной дипломатией? Могла ли она действовать без согласия суверена/государя и какое значение она имела вследствие своего неопределенного статуса? Осборн призывает не забывать, что только аккредитованные дипломаты, которые путешествовали с верительными грамотами и паспортами, имели возможность отстоять свои права и иммунитет, а содержание и обеспечение официальных представителей ввиду сложной и дорогостоящей логистики требовали привлечения государственных ресурсов⁷⁵.

Гендерная история лишь недавно нашла свое отражение в истории дипломатии⁷⁶. Возникший исследовательский интерес ко двору как месту дипломатии раннего Нового времени

⁷⁰ Colantuono A. The Mute Diplomat: Theorizing the Role of Images in Seventeenth-Century Political Negotiations // The Diplomacy of Art: Artistic Creation and Politics in Seicento Italy / ed. E. Cropper. Milan, 2000. P. 54.

⁷¹ Um N., Clark L.R. Introduction. The Art of Embassy: Situating Objects and Images in the Early Modern Diplomatic Encounter // Journal of Early Modern History. 2016. Vol. 20. The Art of Embassy: Objects and Images of Early Modern Diplomacy. P. 3–18; Rudolph H. Entangled Objects and Hybrid Practices? Material Culture as a New Approach to the History of Diplomacy // Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century / ed. H. Rudolph. Berlin; Boston, 2016. P. 1–28; Practices of Diplomacy in the Early Modern World: c. 1410–1800 / eds T.A. Sowerby, J. Hennings. Pt. 3. Objects and beasts. New York, 2017.

⁷² См., например: Polleroß F. Gesandte im Bild. Repräsentationsformen der Diplomatie // Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa / Hrsg. H. Rudolph, G. Barth-Scalmani, C. Steppan. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013. S. 41–67.

⁷³ См., например: Intermédiaires culturels / Cultural intermediaries: Séminar international des jeunes dixhuitiémistes (2010: Belfast) / sous la dir. de / eds V. Alayrac-Fielding, E.R. Welch. Paris, 2015; Journal of Early Modern History. 2015. Vol. 19. Cross-confessional Diplomacy and Diplomatic Intermediaries in the Early Modern Mediterranean / eds M. van Gelder, T. Krstić.

⁷⁴ Sowerby T. Op. cit. P. 445.

⁷⁵ Osborne T. Op. cit. P. 42–44.

⁷⁶ См., например, сборники статей, в которых среди прочего освещается роль супругов послов и формулируется понятие «рабочая пара», необязательно супружеская, когда мужчина и женщина, состоявшие в родственных, дружеских или любовных отношениях, добивались решения поставленных перед ними дипломатических задач: Das Geschlecht der Diplomatie: Geschlechterrollen in den Außenbeziehungen vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. C. Bastian C. Windler, E.K. Dade, H. von Thiesen. Köln, 2013; Gender and Diplomacy: Women and Men in European Embassies from the 15th to the 18th century / eds R. Anderson, L. Oliván Santaliciestra, S. Suner. Wien, 2021.

также привлечь внимание к возможностям женщин оказывать влияние в придворном обществе. Их участие обычно обозначается как неформальное. При этом неформальное и неофициальное участие мужчин – представителей двора – в дипломатических контактах до сих пор практически не изучено. Эта группа находилась и продолжает находиться в тени официальных посланников, которые также были мужчинами, что приводит, по мнению немецкой исследовательницы Д. Нольде, к искажению перспективы. Пока мужчины в придворном обществе остаются как бы невидимыми, придворная дипломатия имплицитно предстает как сфера неформального, женского влияния, антитезой которой является официальная дипломатия, в которой доминируют мужчины. Дихотомия официального и неофициального подсознательно разделяет гендерные пространства, что не соответствует механизмам функционирования двора в раннее Новое время, который не предполагал строгого разделения публичной и частной сфер или официальной и неофициальной политики⁷⁷.

Новая история дипломатии институционализируется, причем подходы, успешно апробированные в исследованиях по раннему Новому времени, переносятся на изучение не только истории XIX в., но и новейшей истории. В 2011 г. было основано научное междисциплинарное сообщество The Network for New Diplomatic History (сегодня оно находится в Лейденском университете), позиционирующее себя как «группу ученых, чья работа в основном сосредоточена на историческом изучении дипломатов, их методов, а также их культурной, политической и социальной среды»⁷⁸.

Определенный итог современным исследованиям подвела в 2024 г. коллективная монография «Европейская дипломатия раннего Нового времени. Руководство» под редакцией немецких историков Д. Гёце и Л. Оцель, собравших большую интернациональную команду специалистов⁷⁹. Они констатировали, что социокультурные подходы придали истории дипломатии новое дыхание, а дипломатия и внешняя политика больше не рассматриваются как нечто совпадающее. Исследователи признают, что то, как выстраивались отношения между государями и государствами, было столь же важно, как и их цели и интересы. Обращение к опыту и мировоззрению дипломатов, выступающих посредниками в самых разных сферах и создающих агентские сети, также способствует более глубокому погружению в международные процессы. Ученые по-новому интерпретировали хронологию и географию появления постоянных посольств в Европе, расширили проблемное поле исследований, включив в него дипломатические церемонии и другие аспекты дипломатической культуры. Современные исследователи также пытаются преодолеть разделительные линии между ранним Новым и Новым временем, показывая, что границы между ними во многом размыты и что, несмотря на возникновение национальных государств в XIX в., прочность Старого порядка была особенно сильной в сфере дипломатии.

Библиография / References

Берк П. Историческая антропология и новая культурная история / пер. с англ. М. Неклюдовой // Новое литературное обозрение. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 24.07.2024).

Ивонин Ю.Е. Раннее Новое время и концепция модерна // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2012. Т. 3. Вып. 2 (10). URL: <https://history.jes.su/s207987840000324-5-1/> (дата обращения: 30.07.2024).

История дипломатии: в 3-х т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 1. М., 1941.

История дипломатии: в 5-ти т. / под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. Т. 1. М., 1959.

⁷⁷ *Nolde D.* Was ist Diplomatie und wenn ja, wie viele? Herausforderungen und Perspektiven einer Geschlechtergeschichte der frühneuzeitlichen Diplomatie // Historische Anthropologie: Kultur – Geschichte – Alltag. 2013. Jg. 21. H. 2. S. 181–182.

⁷⁸ URL: <https://newdiplomatichistory.org/about/> (дата обращения: 19.07.2024).

⁷⁹ Early Modern European Diplomacy. A Handbook.

- Кирилла И.И.* Изучение истории международных отношений в социокультурном контексте // Новая и новейшая история. 2012. № 6. С. 65–74.
- Лубский А.В.* Лингвистический поворот // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 245–247.
- Мазарчук Д.В.* «Новая дипломатическая история»: становление, направления исследования и перспективы развития // Вестні Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сeryя гуманітарных навук. 2021. Т. 66. № 3. С. 283–292.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальная теория и историографическая практика. М., 2011.
- Шатохина-Мордвинцева Г.А.* Внешняя политика Нидерландов в историографии: книги и авторы // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 5–21.
- Berk P.* Istoricheskaya antropologiya i novaya kul'turnaya istoriya [Historical anthropology and new cultural history] / per. s angl. M. Neklyudovoj // Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Review]. 2005. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (access date: 24.07.2024). (In Russ.)
- Istoriya diplomatii [The History of Diplomacy]: v 3 t. / pod red. V.P. Potemkina. T. 1. Moskva, 1941. (In Russ.)
- Istoriya diplomatii [The History of diplomacy]: v 5 t. / pod red. V.A. Zorina, V.S. Semyonova, S.D. Skazkina, V.M. Hvastova. T. 1. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Ivonin Yu.E.* Rannee Novoe vremya i koncepciya moderna [Early Modern times and the concept of modernity] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational journal "History"]. 2012. T. 3. Vyp. 2 (10). URL: <https://history.jes.su/s207987840000324-5-1/> (access date: 30.07.2024). (In Russ.)
- Kurilla I.I.* Izuchenie istorii mezhdunarodnyh otnoshenij v sociokul'turnom kontekste [Studying the history of international relations in a socio-cultural context] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2012. № 6. С. 65–74. (In Russ.)
- Lubskij A.V.* Lingvisticheskiy povorot [Linguistic turn] // Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskij slovar' [Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary] / отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва, 2014. С. 245–247. (In Russ.)
- Mazarchuk D.V.* "Novaya diplomaticheskaya istoriya": stanovlenie, napravleniya issledovaniya i perspektivy razvitiya ["New diplomatic history": formation, directions of research and development prospects] // Vesci Nacyyanal'naj akademii navuk Belarusi. Seryya gumanitarnykh navuk [Reports of the National Academy of Sciences of Belarus. The family of humanitarian sciences]. 2021. T. 66. № 3. С. 283–292. (In Russ.)
- Repina L.P.* Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'naya teoriya i istoriograficheskaya praktika [Historical science at the turn of the 20–21 centuries: social theory and historiographical practice]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Shatokhina-Mordvintseva G.A.* Vneshnyaya politika Niderlandov v istoriografii: knigi i avtory [Dutch Foreign Policy in Historiography: Books and Authors] // Novaya i Novejshaya Istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 6. С. 5–21. DOI: 10.31857/S013038640012687-3 (In Russ.)
- Alloul H., Auwers M.* What is (New in) New Diplomatic History? // Journal of Belgian History. 2018. Vol. XLVIII (4). P. 112–122.
- Anderson M.S.* The Rise of Modern Diplomacy, 1450–1919. Harlow; Essex, 1993.
- Badel L.* Diplomacy and the History of International Relations: Redefining a Conflictual Relationship // Diplomatica. 2019. Vol. 1. P. 33–39.
- Bély L.* Les Relations internationales en Europe (les 17–18 siècles). Paris, 1992.
- Bély L.* L'invention de la diplomatie // L'invention de la diplomatie: Moyen Age – temps modernes / sous la dir. de L. Bély. Paris, 1998.
- Bély L.* La société des princes, XVIe–XVIIIe siècle. Paris, 1999.
- Bély L.* L'art de la paix en Europe: Naissance de la diplomatie moderne. Paris, 2007.
- Black J.* European International Relations 1648–1815. London, 2003.
- Blanning T.* The Culture of Power and the Power of Culture: Old Regime Europe, 1660–1789. Oxford, 2002.
- Bourgeois E.* Manuel historique de politique étrangère: 4 vol. Paris, 1893–1926.
- Braun G.* La connaissance du Saint-Empire en France du baroque aux Lumières. 1643–1756. München, 2010.
- Burk K.* Britische Traditionen internationaler Geschichtsschreibung // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten. München, 2000. С. 45–59.
- Colantuono A.* The Mute Diplomat: Theorizing the Role of Images in Seventeenth-Century Political Negotiations // The Diplomacy of Art: Artistic Creation and Politics in Seicento Italy / ed. E. Cropper. Milan, 2000. P. 51–76.
- Das Geschlecht der Diplomatie: Geschlechterrollen in den Außenbeziehungen vom Spätmittelalter bis zum 20. Jahrhundert / Hrsg. C. Bastian, E.K. Dade, H. von Thiessen, C. Windler. Köln, 2013.

- Debidour A.* Histoire diplomatique de l'Europe: 2 vol. Paris, 1891–1916.
- Der Absolutismus – ein Mythos? Strukturwandel monarchischer Herrschaft in West- und Mitteleuropa (ca. 1550–1700) / Hrsg. R.G. Asch, H. Duchhardt. Köln; Weimar; Wien, 1996.
- Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / Hrsg. H. Duchhardt. München, 1998.
- Droste H.* Im Dienst der Krone: Schwedische Diplomaten im 17. Jahrhundert. Berlin, 2006.
- Duchhardt H.* Balance of Power and Pentarchie: Internationale Beziehungen, 1700–1785. Paderborn; Wien, 1997.
- Duindam J.* Crossing Boundaries: Diplomacy and the Global Dimension, 1700–1850 // The International History Review. 2019. Vol. 41 (5). Transformations of Intercultural Diplomacies. Comparative Views on Asia and Europe (1700 to 1850) / eds N. Amsler, H. Harrison, C. Windler. P. 1092–1099.
- Early Modern European Diplomacy. A Handbook / eds D. Goetze, L. Oetzel. Berlin; Boston, 2024.
- Fletcher C.* Diplomacy in Renaissance Rome: The Rise of the Resident Ambassador. Cambridge, 2015.
- Frieden übersetzen in der Vormoderne. Translationsleistungen in Diplomatie, Medien und Wissenschaft / Hrsg. H. Duchhardt, M. Espenhorst. Göttingen, 2012.
- Frigo D.* Introduction // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. D. Frigo. Cambridge, 2000. P. 1–24.
- Fubini R.* La “résidentialité” de l'ambassadeur dans le mythe et dans la réalité: une enquête sur les origines // L'invention de la diplomatie: Moyen Age-temps modernes / sous la dir. de L. Bély. Paris, 1998. P. 28–35.
- Fubini R.* Diplomacy and Government in the Italian City States of the Fifteenth Century (Florence and Venice) // Politics and Diplomacy in Early Modern Italy: The Structure of Diplomatic Practice, 1450–1800 / ed. D. Frigo. Cambridge, 2000. P. 25–48.
- Gender and Diplomacy: Women and Men in European Embassies from the 15th to the 18th century / eds R. Anderson, L. Oliván Santaliestra, S. Suner. Wien, 2023.
- Goffman D.* Negotiating with the Renaissance State: the Ottoman Empire and the New Diplomacy // The Early Modern Ottomans: Remapping the Empire / eds V.H. Aksan, D. Goffman. Cambridge, 2007. P. 61–74.
- Haug T.* Ungleiche Außenbeziehungen und grenzüberschreitende Patronage. Die französische Krone und die geistlichen Kurfürsten (1648–1679). Köln; Weimar; Wien, 2017.
- Helmers H.* Public Diplomacy in Early Modern Europe: Towards a new history of news // Media History. 2016. Vol. 22 (3–4). P. 401–420.
- Helmers H.* History as diplomacy in early modern Europe. Emanuel van Meteren's *Historia Belgica* and international relations, 1596–1640 // Renaissance Studies. 2021. Vol. 36. № 1. P. 27–45.
- Hennings J.* Russia and Courtly Europe: Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016.
- Hennings J., Sowerby T.A.* Introduction. Practices of diplomacy // Practices of Diplomacy in the Early Modern World: c. 1410–1800 / eds T.A. Sowerby, J. Hennings. New York, 2017.
- Histoire des relations internationales / publ. sous la dir. de P. Renouvin: 8 vol. Paris, 1953–1958.
- Horn D.B.* British Diplomatic Service, 1689–1789. Oxford, 1961.
- Intermédiaires culturels / Cultural intermediaries: Séminar international des jeunes dixhuitiémistes (2010: Belfast) / sous la dir. de / eds V. Alayrac-Fielding, E.R. Welch. Paris, 2015.
- Journal of Early Modern History. 2015. Vol. 19. Cross-confessional Diplomacy and Diplomatic Intermediaries in the Early Modern Mediterranean / eds M. van Gelder, T. Krstić.
- Krischer A.* Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit // Diplomatisches Zeremoniell in Europa und im mittleren Osten in der frühen Neuzeit / Hrsg. R. Kauz, G. Rota, J.P. Niederkorn. Wien, 2009. S. 1–32.
- Krischer A.* Syndici als Diplomaten in der Frühen Neuzeit. Repräsentation, politischer Zeichengebrauch und Professionalisierung in der reichsstädtischen Außenpolitik // Spezialisierung und Professionalisierung. Träger und Foren städtischer Außenpolitik während des späten Mittelalters und der frühen Neuzeit / Hrsg. C. Jörg, M. Jucker. Wiesbaden, 2010. S. 254–286.
- Krischer A.* Das Gesandtschaftswesen und das moderne Völkerrecht // Rechtsformen internationaler Politik, Theorie, Norm und Praxis vom 12. bis 18. Jahrhundert / Hrsg. M. Jucker, M. Kintzinger, R. Schwinges. Berlin, 2011. S. 197–239.
- Kugeler H.* “Le parfait ambassadeur”. The Theory and Practice of Diplomacy in the Century Following the Peace of Westphalia: Phd diss. Oxford, 2006.
- Legutke D.* Diplomatie als soziale Institution: brandenburgische, sächsische und kaiserliche Gesandte in den Haag. Münster, 2010.
- Lehmkuhl U.* Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischen Institutionalismus // Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft. 2001. Bd. 21. H. 3. S. 394–423.
- Loth W.* Einleitung // Internationale Geschichte: Themen – Ergebnisse – Aussichten. München, 2000. S. VII–XIV.

- Mattingly G.* Renaissance Diplomacy. Boston, 1955.
- Matzke J.* Gesandtschaftswesen und diplomatischer Dienst Sachsens 1694–1763. Leipzig, 2011.
- May N.F.* Zwischen fürstlicher Repräsentation und adliger Statuspolitik. Das Kongresszeremoniell bei den westfälischen Friedensverhandlungen. Ostfildern, 2016.
- May N.F.* Le cérémonial diplomatique et les transformations du concept de représentation au XVIIe siècle // À la place du roi: Vice-rois, gouverneurs et ambassadeurs dans les monarchies française et espagnole (XVIe–XVIIIe siècles) / sous la dir. de D. Aznar, G. Hanotin, N.F. May. Madrid, 2017. P. 35–49.
- Nähe in der Ferne: personale Verflechtung in den Außenbeziehungen der Frühen Neuzeit / Hrsg. H. von Thiessen, C. Windler. Berlin, 2005.
- Nolde D.* Was ist Diplomatie und wenn ja, wie viele? Herausforderungen und Perspektiven einer Geschlechtergeschichte der frühneuzeitlichen Diplomatie // Historische Anthropologie: Kultur – Geschichte – Alltag. 2013. Jg. 21. H. 2. S. 179–198.
- Osborne T.* Whither Diplomatic History? An Early-Modern Historian's Perspective // Diplomatica. 2019. Vol. 1. P. 40–45.
- Ottoman Diplomacy: Conventional or Unconventional? / ed. A.N. Yurdusev. Basingstoke, 2004.
- Polleroß F.* Gesandte im Bild. Repräsentationsformen der Diplomatie // Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa / Hrsg. H. Rudolph, G. Barth-Scalmani, C. Steppan. Innsbruck; Wien; Bozen, 2013. S. 41–67.
- Roll C.* Einleitung // Berichten als kommunikative Herausforderung: Europäische Gesandtenberichte der Frühen Neuzeit in praxeologischer Perspektive / Hrsg. T. Dorfner, T. Kirchner, C. Roll. Köln, 2021. S. 9–47.
- Rudolph H.* Entangled Objects and Hybrid Practices? Material Culture as a New Approach to the History of Diplomacy // Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century / ed. H. Rudolph. Berlin; Boston, 2016. P. 1–28.
- Schattenberg S.* Diplomatie als interkulturelle Kommunikation // Zeithistorische Forschungen/Studies in Contemporary History. 2011. Bd. 8. H. 3. S. 457–462.
- Schroeder P.* The Transformation of European Politics, 1763–1848. Oxford, 1994.
- Schütz E.* Die Gesandtschaft Großbritanniens am Immerwährenden Reichstag zu Regensburg und am kur(pfälz-)bayerischen Hof zu München. 1683-1806. München, 2007.
- Scott H.M.* Diplomatic Culture in Old Regime Europe // Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century / eds H.M. Scott, B.P. Simms. Cambridge, 2007. P. 58–85.
- Sorel A.* L'Europe et la Révolution française: 9 vol. Paris, 1865–1911.
- Sowerby T.A.* Early Modern Diplomatic History // History Compass. 2016. Vol. 14 (9). P. 441–456.
- Steppan C.* Akteure am fremden Hof: Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandte im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Göttingen, 2016.
- Stollberg-Rilinger B.* Honores regii: Die Königswürde im zeremoniellen Zeichensystem der Frühen Neuzeit // Dreihundert Jahre Preußische Königskrönung. Eine Tagungsdokumentation / Hrsg. J. Kunisch. Berlin, 2002. S. 1–26.
- Stollberg-Rilinger B.* Symbolische Kommunikation in der Vormoderne. Begriffe – Thesen – Forschungsperspektiven // Zeitschrift für Historische Forschung. 2004. Bd. 31. S. 489–527.
- Stollberg-Rilinger B.* Rituale. Frankfurt a. M.; New York, 2013.
- Subrahmanyam S.* Courtly Encounters: Translating Courtliness and Violence in Early Modern Eurasia. Cambridge, 2012.
- Thiessen H. von.* Diplomatie und Patronage: Die spanisch-römischen Beziehungen 1605–1621 in akteurszentrierter Perspektive. Epfendorf, 2010.
- Thiessen H. von.* Diplomatie vom type ancien: Überlegungen zu einem Idealtypus des frühneuzeitlichen Gesandtschaftswesens // Akteure der Außenbeziehungen: Netzwerke und Interkulturalität im historischen Wandel / Hrsg. H. von Thiessen, C. Windler. Köln, 2010. S. 471–503.
- Thiessen H. von.* Geschichte der Außenbeziehungen / Neue Diplomatiegeschichte // Konstruktionen Europas in der Frühen Neuzeit: Geographische und historische Imaginationen / Hrsg. S. Richter, M. Roth, S. Meurer. Heidelberg, 2017. S. 315–323.
- Wahrnehmungen des Fremden. Differenzenerfahrungen von Diplomaten im 16. und 17. Jahrhundert / Hrsg. M. Rohrschneider, A. Strohmeier. Münster, 2007.
- Watkins J.* Toward a New Diplomatic History of Medieval and Early Modern Europe // Journal of Medieval and Early Modern Studies. 2008. Vol. 38 (1). P. 1–14.
- Welch E.R.* A Theater of Diplomacy: International Relations and the Performing Arts in Early Modern France. Philadelphia, 2017.
- Windler C.* La diplomatie comme experience de l'Autre: consuls français au Maghreb (1700–1840). Geneva, 2002.
- Windler C.* Diplomatie als Erfahrung fremder politischer Kulturen: Gesandte von Monarchen in den eidenössischen Orten (16. Und 17. Jahrhundert) // Geschichte und Gesellschaft. 2006. Bd. 32 (1). S. 5–44.